

Г. И. Казачук

О ЗОРГЕ, С КОТОРЫМ ВСТРЕЧАЛСЯ

Встречи с именитым разведчиком стали для дальневосточного писателя толчком к написанию романа.

В 2019 году на Первом канале впервые будет демонстрироваться 12-серийный фильм «Зорге» с Александром Домогоаровым в главной роли. Многие, кто интересуется историей страны и жизнью Рихарда Зорге, человека-легенды, ждут этого показа с нетерпением. Сумел ли актёр перевоплотиться в резидента советской разведки, действовавшего в Японии во время Второй мировой войны (в так называемого Штирлица), будет ясно после просмотра. Но, увы, не всем... Людей, кто был знаком с Зорге лично, осталось немно-

*Встречи с Зорге оставили в памяти
Г. Г. Пермякова след на всю жизнь.
Хабаровск, 2003 год.*

го. Дальневосточный писатель Георгий Георгиевич Пермяков (1917–2005), тоже человек-легенда, был одним из них.

Познакомившись с советским разведчиком при особых обстоятельствах, Георгий Георгиевич хранил в своей памяти детали немногочисленных встреч до конца своих дней. Будучи независимым от мнений и взглядов других, очень наблюдательный, он и в людской толпе мог разглядеть человека особенного, не похожего на других. Так было и с Зорге. Но об этом чуть позже.

53 года назад, в 1965-м, писатель тоже ждал премьеры о легендарном разведчике. И поспешил в кинотеатр «Гигант» одним из первых. Но двухсерийный художественный фильм «Кто вы, доктор Зорге?», снятый в 1961 году французским режиссёром Ивом Чампи, его не впечатлил. Пермяков во многом был не

согласен с ним. По его мнению, в жизни разведчик был совершенно другим.

Мне посчастливилось познакомиться с Георгием Георгиевичем в тот период, когда тяжёлая болезнь ещё не давала о себе знать. И ему хотелось выговориться, рассказать о работе и встречах с личностями мирового масштаба,

к которым, вне всякого сомнения, можно отнести Героя Советского Союза Рихарда Зорге. Чтобы у читателя сложилось полное представление о нашей беседе, не будем делать скидку на время, перенесёмся в те дни, когда имя легендарного писателя и человека не сходило со страниц хабаровских газет.

...Разговоров на ходу Пермяков не любит. В назначенный день и час спешу по указанному адресу: хочу знать о Зорге всё, тем более, как признавался Пермяков, он в своё время его боялся, ведь «на груди у него красовалась бляха с фашистской свастикой».

С порога ясно, что к встрече готовились. В комнате на широкой тахте разложены карты, диаграммы, выполненные, как выяснилось, профессиональным художником Олегом Злобиным.

— Зорге — большая птица. А потому нужен небольшой экскурс в историю, — поясняет Георгий Георгиевич. — В 1931 году Квантунская армия в Маньчжурии начинает широкую подготовку к нападению на СССР: японцы проводят дороги к нашим границам, строят крепости, налаживают военную промышленность, мобилизуют белых русских в диверсионные и войсковые отряды. Готовят шпионов, следят за нами. Всякая информация о японских делах в Маньчжурии была очень важна для нашей разведки — Главного разведуправления Генштаба. Здесь и помогал нам Рихард Зорге, о разведдеятельности которого в Китае до сей поры нигде ничего не сказано.

О Зорге (агентурный псевдоним Рамзай) Георгий Георгиевич собирал материал не один десяток лет. А если точнее, то с марта 1942-го, когда он, переводчик Генконсульства СССР в Харбине, получил от вице-консула В. А. Сошникова бумагу, где было сказано: «Рихард Зорге, 1895 года рождения, немец, корреспондент, работает в Токио, связан с посольством Германии в Токио и другими. Если только будет в каких-либо газетах упомянут, немедленно переведи мне лично!»

Почему сия миссия выпала на Пермякова? Ответ прост. С 1921 года живёт в Китае. С 1927-го — в Харбине, где учился в китайской и японской школах. Окончил китайский факультет Восточного института. Прекрасно владеет английским — а всего шестью иностранными языками.

— Георгий Георгиевич, задание вы получили от вице-консула в 1942-м, когда Зорге был уже арестован японскими властями и находился в токийской тюрьме Сугамо. А когда вы впервые его увидели?

— О, дайте вспомнить! Стой встречи прошло 65 лет... Это был, кажется, 1938-й год. Я отправился в Христианский союз молодых людей на выставку картин харбинских художников. Практически с порога обратил внимание на высокого

мужчину, примерно моего роста. Он молча и подолгу рассматривал картины. Одет был прекрасно — хороший костюм... В руках трость с набалдашником — о, это был особый шик! Запомнить этого человека было нетрудно: у него была мощная львиная шея, крупная голова, волнистые темно-каштановые волосы. При ходьбе слегка припадал на одну ногу. Не хромял, а именно тяжело ступал.

Георгий Георгиевич неожиданно обрывает воспоминания, резко поднимается со стула и на удивление легко копирует походку Зорге...

— Я не знал тогда, что это результат падения с мотоцикла.

Пермяков собрал сведения о том, что в период подготовки к войне с Советским Союзом штаб Квантунской армии поделили на пять управлений. Пятое было совершенно секретным, русским. В нём работали люди, которые заранее планировали, как они будут управлять русскими землями. Особо значимыми в штабе Квантармии были первое управление (оперативно-стратегическое) и второе — разведывательное. Главная работа второго управления, по-японски «дайнибу», велась в Харбине. Здесь был главный центр разведки против СССР. Его работа была строго засекречена. Каждая весточка о ней очень ценилась... Рихард Зорге, выяснил Пермяков, и по этой линии поработал. В Харбине Зорге знали под именем Виктор.

— Но что такое Харбин? — прерывается на «лирическое» отступление Георгий Георгиевич. — Есть слово «кунсткамера» — музей диковинок. Такой вот кунсткамерой и был Харбин. Некогда здесь жил приамурский генерал-губернатор Николай Гондатти, мой отец — известный золотопромышленник — дружил с ним. Здесь жили в разное время около 80 генералов России и величайший предатель России, разбойник с большой дороги, атаман Семёнов, укравший вагон русского золота. Здесь не раз бывал маньчжурский император Айсингеро Пу И. В Харбине каждый третий был или офицер, или из офицерской русской семьи. Здесь рядом была отстроена японцами всемирно известная фабрика смерти — отряд 731, где выпускали центнерами бактерии чумы, холеры, сапа, сибирской язвы...

Зорге же, работая в 1930-е годы в Токио, на время больших тропических дождей, заливавших в июне и июле Японию, приезжал в Харбин. Здесь его видели летом люди, с которыми я был знаком лично. Лев Троцкий — советский подданный, молодой человек из Харбина, Михаил Крюков — известный в городе тренер, Михаил Матковский — правая рука начальника БРЭ-Ма (бюро по делам российских эмигрантов), основанном японцами в 1935 году в Харбине. Позднее он жил в Хабаровске, я с ним встречался. Зорге систематически объезжал консульства и посольства Германии в Маньчжурии,

а также в Северном Китае и собирал там нужную информацию, которая потом шла к нам. Бесспорно, немецкие генеральные консульства в Дайрэне (Дальний), Мукдене, Харбине, Чанчуне — важных стратегических центрах в Маньчжурии — имели богатую информацию о делах японцев.

Вторая случайная встреча 22-летнего Георгия Пермякова и 44-летнего Рихарда Зорге состоялась именно в Генеральном консульстве... Японии. Было это в конце 1930-х годов, на приёме для консулов Харбина.

— Так, кто там был? Германия — раз, Италия — два! — собеседник словно заглядывает в книгу памяти. — СССР, Румыния, Венгрия... Много было японских офицеров. Зорге был с четырёх до пяти часов дня. Чтобы скрыть свою серьёзную работу, о которой никто не догадывался, он обычно носил маску весельчака и разудальца... Но в тот раз лицо у него было утомлённое. Да, вспомнил! На том приёме был германский пастор Розен. Он блестяще говорил по-русски. Как выяснилось потом, немецкий разведчик. Зорге и Розен держались на приёме рядом. Я присутствовал как сотрудник консульства. Разговаривал с японскими офицерами на их родном языке. Зорге подошёл, заговорил на японском. «Где вы научились языку? — спросил он меня. — Давно ли? Кто вы такой?» Отвечать подробно я боялся, так как у него на груди красовалась оранжевая бляха с фашистской свастикой. А я всё-таки советский подданный.

В течение ряда лет Зорге был одним из самых влиятельных членов немецкой колонии и нацистской партийной организации в Токио. Он тесно подружился и стал фактически советником немецкого военного атташе. Зорге играл роль патриота Германии и убеждённого нациста.

...Георгий Георгиевич припоминает новые детали:

— Он держался покровительственно. Но я его «посадил» в японском, так как говорил быстрее!

— А что Зорге?

— Он мило улыбнулся. У него на лице промелькнуло плохо скрытое уважение. А вот на русском он говорил с заметным акцентом. Примерно это звучало так: «Я любит читать русский стих. Мне нравится Пушкин, Некрасов».

— Знаменитый Штирлиц на Зорге хоть чем-нибудь похож?

— Чушь собачья ваш Штирлиц! — едва сдерживает гнев Георгий Георгиевич. — Никогда не поверю, что русский человек может так овладеть немецкой речью, что будет говорить, как немец. Брехня! Это возможно при одном условии: если он за границей вырастет и напрочь забудет русский язык. Я — лингвист, переводчик высшей категории японского и китайского, с детства говорю по-английски и авторитетно заявляю: это сказка, а я

человек серьёзный. Немец такого «разведчика» мигом поймает. Пойдёшь в церковь исповедоваться, попадёшь к немцу на день рождения — мигом провалишься!

Истинный «ариец» Штирлиц в «Семнадцати мгновениях весны» выглядел как настоящий пуританин. Некоторые же исследователи Зорге, в том числе и в Японии, особо подчёркивали авантюристичность натуры Рамзая. Утверждается, что он любил выпить. Подсчитано, что в одном Токио около 30 женщин были влюблены в него.

— Он нравился женщинам. Когда в августе 1942-го при Генконсульстве СССР в Харбине был создан отдел переводов, в который вместе со мной вошли шесть человек, тогда же нам дали машинистку пригожую — Марию Васильевну Сергунову. В неё раньше, как я узнал от Михаила Алексеевича Матковского, и был некогда влюблён Зорге. Они познакомились в 1935-м, в одном из дорогих ресторанов.

В архиве писателя — 12 писем от Марии Васильевны, адресованных ему лично, где она рассказывает старому знакомому о своём романе с Виктором — «настоящим джентльменом».

— Только знаете что? Он ещё любил и Галю Хоменко. Харбинка Галя была помоложе. Лет на 20 моложе Зорге. Их было три сестры из состоятельной семьи. Видел я её на берегу Сунгари, где раскинулись дачи и пляжи для купания. Летом здесь собирался весь русский и иностранный Харбин. С нею я не был знаком. Но отметил для себя: молода, около неё вились молодые люди. Шла она медленно, достойно. Чувствовала свою власть над мужчинами. Я ею любовался.

Мария Васильевна была постарше Галины лет на десять. Но она была забористой, что ли: белое, как сметана, лицо, огромные чёрные глаза, тёмные волосы. Никогда не пользовалась косметикой. Выглядела моложаво, казалась вольной на ухаживания. Все молодые люди в нашем консульстве были сражены её красотой наповал и влюблены в неё... Кроме меня. Тогда многие женщины искали моего расположения.

— А что же вы «отстали»?

— Я что, глупец? — фыркает Георгий Георгиевич. — Она на 12 лет была старше меня. Мария Васильевна умерла в 1995-м в возрасте 90 лет. В своих воспоминаниях о ней я стараюсь быть деликатен: в городе Одинцово живет её дочь Людмила Выборнова, у неё есть дети...

Седьмого ноября 1944-го Зорге повесили в тюрьме Сугамо. Это была сенсация — в Японии за всю историю казнили первого европейца! Но только в

октябре 1945-го об этом стало известно его гражданской жене, с которой они прожили вместе шесть лет, — Ханako Исии.

— Да, это было так. К сожалению, увидеться с ней мне не удалось. Ханako Исии была в Хабаровске в 1960-х годах. С ней беседовал главный редактор «ТОЗа» на то время Фёдор Куликов. Эта беседа передавалась по радио. Когда я узнал об этом визите, Ханako уже уехала. Я локти грыз.

В 1972-м Виктор Николаевич Низамутдинов, доцент, японист высшего класса, направлялся за рубеж, я его попросил: «Будешь в Японии, поставь свечку и положи цветы на могилу Рихарда Зорге на кладбище Тама». Виктор Николаевич выполнил мою просьбу, сделал снимок. Вот эта фотография, — собеседник вынимает из папки не поблекший от времени снимок.

...Последний раз Пермяков видел Зорге где-то около 1940 года. Георгий Георгиевич зашёл в «японское шпионское гнездо» — «Исследовательское бюро Северо-Маньчжурской железной дороги». В здании было много книг и всегда много людей.

— В слабоосвещённом зале я разглядел человека, но не узнал его. Он был в очках, сидел за столом, перед ним лежало несколько редких книг. Мужчина кивнул мне как старому знакомому, снял очки. Я узнал Виктора. Мы поздоровались.

Кто есть кто, я ничего не знал. Даже позднее, когда по заданию вице-консула старался следить за фамилией Зорге в японских, китайских и других газетах. Где-то примерно в 1943-м году я прочёл о том, что над Зорге был суд. В ноябре 1945-го по приглашению министра внутренних дел СССР Круглова я приехал в Хабаровск и был назначен учителем и переводчиком к императору Китая Айсингеро Пу И, попавшему к нам в плен. Известно, что в УВД края Пу И допрашивали про Зорге, но я не был переводчиком. Тему и суть беседы не знаю. Но осведомлён, что каждое седьмое февраля император Маньчжоу-Го давал банкет-раут — приём военным, гражданским и дипломатическим сановникам. Бесспорно, на таком приёме бывал и Рихард Зорге...

О том, что Зорге — советский разведчик, Пермяков стал догадываться ещё в 1947–1948-х годах, когда работал в подмосковном лагере в городе Красногорске. Лагерь № 27 славился тем, что там были собраны «звёзды» из пленных немцев, австрийцев, венгров, японцев, румын. Некоторое время там содержался фельдмаршал Германии Фридрих фон Паулюс. В лагере тогда собрались лучшие переводчики страны немецкого, венгерского, румынского, итальянского языков, которые принимали участие в допросах высокопоставленных военнопленных. После обеда переводчики частенько общались между собой, и в разговорах не раз всплывала фамилия Зорге.

Только в 1964 году, после того как указом Президиума Верховного Совета СССР Зорге посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, Хрущёв дал добро на то, чтобы в советской печати рассказали о Зорге.

...16 января 1999-го года с лёгкой руки редактора издательства «Частная коллекция» Виктора Бури Георгий Георгиевич начал работать над романом «Алмаз Зольге». 10–14 часов работы ежедневно. И буквально за три месяца черновик готов! Правда, в конце работы писатель изменил название на «Перстень Зольге». Георгий Георгиевич не без гордости подаёт мне в руки увесистую папку — рукопись романа. Её предваряет цветной портрет главного героя — мужественное, бесстрашное лицо...

— Почему «Перстень Зольге?»

— В Харбине у меня учился один известный советский разведчик, который прекрасно говорил по-китайски. Некоторое время был начальником Зорге. Он рассказывал мне, что Зорге за хорошую работу наградили драгоценным перстнем с брильянтом. И, чтобы не привлекать к себе внимания, он носил этот перстень брильянтом внутрь. При этом в моём романе присутствует вымысел, поэтому я изменил фамилию героя, прототипом которого тем не менее является Зорге.

...За окнами холодный хабаровский февраль. Мой удивительный собеседник погружён в раздумья. Мысли его не здесь.

— Когда я был в Японии в сезон тропических дождей («байу» — по-японски «сливовый дождь»), я понял, почему Зорге бежал от них в Харбин. Снимаешь вечером обувь — наутро ботинки от влаги покрыты зелёным пухом. Заснуть невозможно — подушка влажная. Портьера настолько пропитана влагой, что даже от сильного ветра не качается. Но к первому августа дожди заканчивались. И на удивление всем, — восхищённо улыбается 85-летний собеседник, — сливы вызревали вот такие крупнющие!

Увлечённость такой личностью, как Зорге, не объясняется, на мой взгляд, только всеядностью писателя и личными встречами. Интуиция, конечно, Георгия Георгиевича не подвела — незнакомец, которого в узких кругах давнего Харбина называли Виктором, оказался «птицей» высокого полёта с потрясающе-яркой судьбой. Он, как известно, был человеком физически сильным, бесстрашным и очень любил жизнь. В этом между ним и Пермяковым было несомненное сходство. Об этом я в своё время сказала Георгию Георгиевичу. Он надолго задумался, ничего не ответил. Но по тому, как блеснули глаза собеседника и вдруг ушли морщинки с лица, я поняла: ему это сравнение понравилось.

Фотография предоставлена автором.